

Глава 34. Решающая битва в Зале Прохлады

В Зале Прохлады царила мертвая тишина. Сэймэй и Анки неподвижно стояли друг против друга.

Принцесса смотрела на него, и в глубине ее глаз колыхалось темное, зыбкое пламя.

Сэймэй отвечал ей спокойным, бесстрастным взглядом.

— Ха-ха... Абэ-но Сэймэй! Берегись! — кокетливо рассмеялась Анки и резко раскинула руки.

В тот же миг из-за ее спины вырвался столб черного дыма, устремившийся к самому потолку.

Позади нее, точно павлиний хвост, медленно развернулись девять пушистых угольно-черных хвостов...

— Надо же, девятихвостая черная лисица, — усмехнулся Сэймэй. — Судя по всему, твоей аскезе без малого тысяча лет. Впрочем, и с этим я совладаю.

Анки продолжала смеяться, но ее прекрасное лицо стремительно искажалось свирепой, хищной гримасой.

Внезапно девять хвостов распались на бесчисленные струи темной, удушливой силы, устремившиеся прямо к Сэймэю.

Тот плавно уклонялся, уходя от ударов, однако черные жгуты накатывали новой неодолимой волной.

— Ну что, Сэймэй? — донесся сквозь свист ветра ее насмешливый голос. — Со мной сладу не будет! Покорись мне по-хорошему. Жаль портить такую безупречную красоту!

Сэймэй непрестанно маневрировал, но движения его постепенно утрачивали былую легкость. Он прерывисто вздохнул.

— Ну же, Сэймэй! Полно упрямиться, подобные забавы утомляют тело! — Облик Анки резко переменился: ее холеные пальцы удлинлись, превращаясь в смертоносные когти, и она рванулась вперед.

Сэймэй скользнул в сторону, уклоняясь от взмаха когтей, и невесомой тенью очутился за спиной демоницы. В его пальцах замерцал бумажный амулет с пятиконечной звездой.

Прижав талисман к губам, он коротко дунул на него.

Пентаграмма сорвалась с пальцев и припечаталась у основания лисьих хвостов.

Мгновение — и клубящиеся черные жгуты с хлопком свернулись обратно, вновь обратившись в один единственный хвост.

Анки рухнула на пол, но даже сквозь гримасу бессилия на ее губах играла жестокая усмешка.

— Абэ-но Сэймэй... не лгали слухи о твоём величии, — прохрипела она. — Такой прелестный юноша, и надо же — несносный онмёдзи! Похоже, без капли крови мне тебя не одолеть.

Сэймэй лишь тонко улыбнулся, глядя сверху вниз на тяжело дышащую лисицу, но промолчал.

Вдруг Анки метнулась по полу, перекатившись к одной из опорных колонн Зала Прохлады, и вонзила когти прямо в резное дерево.

Внутри колонны, как оказалось, скрывался тайник. Выхватив оттуда скрытый клинок, демоница одним слитным движением скользнула за столб.

А там, ничего не подозревая, стоял Хиромаса.

— Берегись, Хиромаса! — испуганно крикнул Сэймэй.

Опоздал. Острая сталь уже прижалась к горлу Минамото.

— Ха-ха! Сэймэй! Одно движение — и этот простофиля отправится на тот свет! — торжествующе крикнула Анки.

— Стой! Не смей трогать Хиромасу! Тебе ведь нужен я — так бери меня!

— Ох, ну почему ты такой непослушный, великий онмёдзи Хэйан-кё? — лисица издевательски прищурилась. — Думаешь, это обычный клинок? Вовсе нет. Это Божественный меч, пожирающий демонов!

— Что? Тот самый легендарный меч?..

— Именно! Оружие самого Божественного царя, истребляющего демонов! Если я перережу им горло твоему ненаглядному глупцу, его душа навеки окажется запечатана внутри клинка. Он никогда не переродится!

— Подобное сокровище недостойно находиться в лапах грязной лисицы, — холодно заметил Сэймэй.

— О, заговорил! Неужто сердечко защемило, а, Сэймэй?

— Теперь понятно, как тебе удавалось скрывать от меня свой демонический дух. Дело не только в тысячелетней силе, тебя защищал священный артефакт.

— Не твое дело, откуда у меня этот меч! — огрызнулась Анки. — Лучше подумай, готов ли ты распрощаться со своим дружкой навеки?

— Отпусти Хиромасу, — Сэймэй сохранял внешнее ледяное спокойствие. — И делай со мной что хочешь.

— Ха-ха-ха! Абэ-но Сэймэй! Вижу, ты понимаешь всю опасность этого оружия. Какая трогательная преданность! Неужели ты и вправду готов пожертвовать собой ради этого безмозглого ничтожества?

Сэймэй молча смотрел на нее, на его губах блуждала едва заметная пренебрежительная улыбка.

— Ладно, у меня мало времени! — оборвала его Анки. — Сэймэй, шагай сюда. Медленно. Повернись спиной и не смей колдовать. Пикнешь — и парню конец.

Сэймэй тихо вздохнул и покорно подчинился. Сделав несколько шагов, он застыл спиной к демонице.

— Черное заклятие лисьего племени: запечатать Сэймэя! — зловеще прошептала Анки. Она взмахнула когтистой лапой, нанося на спину онмёдзи невидимые символы печати.

Сэймэй сдавленно охнул и рухнул на колени, а затем повалился на холодный пол. На его лбу выступили крупные капли холодного пота.

Отбросив Хиромасу в сторону, Анки медленно подошла к поверженному Сэймэю. Ее лицо исказилось ликующим оскалом.

— Какая жалость, Сэймэй! Больно, правда? Величайший онмёдзи столицы, гроза нечисти, запечатавший сотни демонов... Каково теперь самому оказаться в оковах? Ой, поглядите-ка, как ты взмок! Ну же, дай я вытру твой пот.

Она издевательски рассмеялась, проводя острым когтем по его бледной щеке.

Сэймэй упрямо стиснул зубы, силясь сохранить остатки гордости и не издать ни звука.

— Ах, как чудно ты пахнешь! Этот нежный, сводящий с ума аромат... Ты точь-в-точь как она! Ненавижу этот запах!

Оскал демоницы стал совсем безумным.

Сэймэй вперил в нее полный ярости и презрения взгляд.

— Будь моя воля, я бы выпила твою кровь до капли. Но это лицо... оно слишком прекрасно, рука не поднимается испортить такую безупречную форму. Смотри же, белая лисица Кузуноха! Твой драгоценный сыночек Абэ-но Сэймэй теперь в моих руках! Слышишь меня, Абэ-но Масудзуми? Твой сын превзошел красотой тебя самого. В нем изящество и благородство отца слились воедино с колдовским очарованием Кузунохи. Ха-ха-ха! Смотрите же с того света, как я забавлюсь с вашим ненаглядным дитятей!

Демоница грубо схватила Сэймэя за подбородок, заставив запрокинуть голову.

— Не бойся, мой сладкий... Я не стану убивать тебя. Твой помутившийся взор сводит меня с ума. Отдайся мне, Сэймэй! Подари мне свои губы, свое тело — все без остатка!

Она похотливо зарычала и с треском рванула ворот его парадного платья.

Шелковые завязки и узлы белоснежного каригину лопнули, обнажив изящные ключицы и шею.

— Что... что ты задумала? — выдавил потрясенный Сэймэй.

— Какая нежная кожа... Белая, точь-в-точь как у нее! Ха-ха-ха! Не бойся, золотце мое. Все эти вельможи в зале давно спят глубоким сном под моим лисьим заклятием. Они ничем не отличаются от трупов. Никто нас не увидит, так что отбрось стыд!

С диким хохотом черная лисица навалилась на Сэймэя, прижимая его к полу.

— Уйди! Сгинь, тварь!

Сэймэй не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, запертый оковами печати. В его глазах застыло бесконечное омерзение.

— Прочь от него! Никто не смеет трогать Сэймэя!

Вдруг из темноты вылетела тень и со всей силы протаранила Анки, отбросив ее прочь.

— Минамото-но Хиромаса?! — опешила демоница, поднимаясь на ноги. — Как ты уцелел после моего заклятия?!

Хиромаса даже не удостоил ее взглядом. Откинув мешающие полы одежд, он бросился к Сэймэю и бережно помог ему подняться.

— Плевать мне на твои дурацкие заклятия! — выдохнул Хиромаса, прижимая онмёдзи к себе.
— Сэймэй, ты цел?

— Глупец, бери... Оставь меня! — прошептал Сэймэй, бессильно опираясь на его плечо. — Ее печать сковала мои силы. Я беспомощен. Я не смогу защитить тебя, Хиромаса.

— Ну и пусть! — упрямо отрезал тот. — Я никуда не уйду без тебя. На этот раз я сам защищу тебя, Сэймэй!

— Ох, какой же ты упрямец... — Сэймэй слабо покачал головой, но в уголках его губ промелькнула едва заметная улыбка.

— И ничего я не упрямец! Мы обещали всегда быть вместе, и я свое слово сдержу.

— И все же... как хорошо, что лисьи чары обошли тебя стороной.

— Сэймэй... — Хиромаса замялся, его уши забавным образом покраснели. — На самом деле я... я совсем не слушал, что там говорил император. Я просто сжимал в руках те сладкие лепешки, что ты мне дал, и думал, какой же я счастливый. А потом как-то незаметно прислонился к твоему плечу и задремал.

— Вот как? — беззлобно усмехнулся Сэймэй. — Благородный придворный дрыхнет прямо посреди тронной залы... Какое непотребство.

— Да нет же! Сэймэй, мне снилось, будто мы сидим у тебя в саду и пьем вино. Я как раз разворачивал узелок, чтобы попробовать твои лепешки, как вдруг почувствовал, что кто-то навалился мне на грудь и пытается их отобрать! Ну уж нет, думаю, фигурки вам! Я разозлился, дернулся и проснулся. А надо мной стоит эта тварь с мечом... И ты ради меня пожертвовал собой...

Хиромаса отвел взгляд, густо покраснев.

— Так ты... ты спал, обнимая мешочек со сладостями? — Сэймэй устало прикрыл глаза. Из груди его вырвался тихий смех. — О боги, Хиромаса... Ну и ну.

— Знаешь, Сэймэй, мне кажется, я наконец кое-что понял! — торжествующе произнес

Хиромаса. — Эти лепешки... они ведь тоже были "связующими узами", вернее, твоим закланием! Мое сердце было так занято мыслями о твоём подарке, что я оказался под защитой этих "уз". И никакое другое колдовство просто не смогло пробиться сквозь них! Скажи, я ведь прав?

— Надо же, — мягко улыбнулся Сэймэй. — Ты совершенно прав, Хиромаса. Ты оказался удивительно проникателен.

— Ну вот, опять ты надо мной подшучиваешь! — надулся Хиромаса. — Небось думаешь про себя: "Ну и дурак же этот Хиромаса", да?

— Вовсе нет. Я говорю чистую правду. Ты действительно поступил мудро.

Хиромаса довольно расплылся в улыбке.

— Хе-хе... Значит, ты и впрямь меня хвалишь?

— И все же, — Сэймэй прищурился, — ты ведь очнулся гораздо раньше, но продолжал притворяться спящим. Как не стыдно?

— Ну... — Хиромаса смущенно почесал затылок. — Мне просто очень хотелось послушать, как ты будешь обо мне беспокоиться.

— Хватит! У меня нет времени слушать ваше воркование! — бешено взревела Анки и шагнула к ним. — Абэ-но Сэймэй! Думаешь зубы мне заговорить, пока пытаешься снять печать? Не выйдет! Твое тело все равно достанется мне. А если этот сопляк продолжит путаться под ногами, я сперва выпущу ему кишки, а потом займусь тобой!

Сэймэй мягко отстранил Хиромасу и твердо посмотрел на лисицу.

— Я уже сказал: отпусти его, и забирай меня.

Но Хиромаса лишь крепче обнял ослабевшего друга, заслоняя его собой.

— Не смей! Я не брошу тебя, Сэймэй! Если мне придется стоять и смотреть, как эта тварь измывается над тобой, лучше пусть она убьет меня прямо сейчас!

— Дурак... Какой же ты дурак, — выдохнул Сэймэй.

— Сэймэй, я столько всего хотел тебе сказать...

— Не надо, Хиромаса. Я все знаю. Я все прекрасно понимаю, — глаза Сэймэя туманно заблестели от выступивших слез. — Но я не могу позволить тебе умереть. Живи, умоляю.

Лицо Анки исказилось от ярости, она бешено заскрежетала зубами.

— Довольно соплей! Смерть вам обоим, жалкие букашки! Минамото-но Хиромаса, отправляйся в пекло!

С яростным криком демоница вскинула меч и обрушила удар на Хиромасу.

— Назад! — крикнул Сэймэй.

Собрав последние крохи сил, он рванулся вперед, закрывая друга своей грудью. Холодное острие должно было вот-вот пробить его тело...

Вдруг яркий луч белого света прорезал полумрак зала и с силой ударил Анки по запястью.

Божественный меч едва не вылетел из ее когтей.

Следом, трепеща крылышками, в воздухе закружилась лазурная бабочка.

— Мицумуси! Это... — изумленно выдохнул Хиромаса.

— Благодарю вас, госпожа Байфэн, — прошептал Сэймэй.

Белая вспышка соткалась в изящный девичий силуэт. Это была Байфэн — дух белой нефритовой флейты принцессы Мёки.

— Господин! Господин Хиромаса! Вы целы? — затрепетал голосок порхающей рядом Мицумуси. — Мы с сестрицей Байфэн поспешили к вам на помощь. Пусть наши силы малы, мы сделаем все возможное! Если с вами что-то случится, нам, вашим верным слугам, тоже незачем оставаться в живых!

— Хватит пустых разговоров! — резко оборвала ее Байфэн. Она стояла неподвижно, не сводя ледяного взгляда с Анки. — Абэ-но Сэймэй, я здесь лишь ради моей госпожи. Немедленно сосредоточься и сними печать! Эта лисица невероятно сильна, а ее клинок смертельно опасен. Я задержу ее, насколько смогу, но долго мне не продержаться.

— Понимаю. Спасибо вам, госпожа Байфэн.

— Если не сумеешь освободиться, мы все здесь ляжем. Ну же, отродье, защищайся!

В руках Байфэн материализовались парные клинки, и она стремительным вихрем бросилась на Анки.

— Ха-ха! А ты непроста, девка! — расхохоталась Анки, легко уворачиваясь от выпадов. — Но ты всего лишь жалкий дух флейты! И заслуживаешь лишь смерти!

— Меньше слов, тварь! — Байфэн нанесла серию молниеносных ударов.

— О, превосходно! Мечи из Великой Тан. Слыхала я, что этим изящным оружием владеют лишь искуснейшие девы. Оружие, убивающее своей завораживающей красотой... Но чтобы направить его силу против меня, одной смазливой мордашки мало. Твое мастерство слишком ничтожно, глупышка!

Сэймэй не слушал их перепалку. Закрыв глаза, он изо всех сил пытался пробиться сквозь сдавливающую его духовные каналы печать.

Хиромаса и Мицумуси в тревоге следили за ходом схватки.

— Сэймэй! Госпожа Байфэн уступает ей! — в панике крикнул Хиромаса.

— Ха-ха-ха! Абэ-но Сэймэй! Снять мое проклятие не так-то просто! — торжествующе крикнула Анки.

Неожиданно Анки резко разорвала дистанцию, увернулась от клинка Байфэн и, выставив вперед Божественный меч, бросилась прямо на беззащитного Сэймэя.

— Сэймэй!

— Господин!..

Раздался чистый, звонкий хруст. В воздухе, точно лепестки белых цветов под порывом ветра, закружились сверкающие осколки белого нефрита.

— Госпожа Байфэн... — прошептал пораженный Сэймэй.

В самый последний миг дух флейты заслонила его собой. Божественный меч насквозь пробил ее тело, сокрушив саму суть артефакта.

— Какая досада, — притворно вздохнула Анки, глядя на осыпающийся нефритовый прах. — Великолепный был нефрит. Покорись ты мне, могла бы стать отличным украшением.

— Сестрица Байфэн! — Мицумуси бросилась на колени, пытаясь собрать дрожащими руками сверкающие крупы, слезы градом покатились из ее глаз.

— Госпожа Байфэн... Вы спасли Сэймэя ценой собственной жизни... — прошептал побелевший Хиромаса.

— Ха-ха-ха! Жалкое отребье, вам всем туда и дорога! — взревела Анки и, замахнувшись мечом, направила острие прямо в грудь ошеломленному Хиромасе.

— Поберегись, Хиромаса!

Пока тот стоял в оцепенении, Сэймэй каким-то немыслимым усилием преодолел сковавшие его оковы и бросился вперед, накрывая друга своим телом.

Они повалились на пол. Хиромаса почувствовал, как Сэймэй прижался к нему. Тонкий, едва уловимый аромат орхидей окутал его. Лицо Сэймэя оказалось совсем близко, теплое прерывистое дыхание коснулось щеки Хиромасы.

Сердце самурая бешено заколотилось, щеки опалило жаром.

— Сэймэй, ты...

Тот лишь слабо улыбнулся, глядя на него с невыразимой нежностью.

Хиромаса инстинктивно обнял его за тонкую талию, желая удержать, но пальцы вдруг наткнулись на что-то теплое и липкое.

— Сэймэй... Боги, что это? Кровь?! Сэймэй! Сэймэй, ответь мне!

Его ладонь была густо багряной от свежей крови.

Сэймэй тихо вздохнул и медленно закрыл глаза. Белоснежный шелк его каригину на спине быстро темнел, пропитываясь алой кровью.

— Такой же идиот, как и его мать! — ледяным тоном процедила Анки. — Минамото-но Хиромаса, запомни мои слова: твой хваленый Абэ-но Сэймэй мертв. И больше никогда не вернется к жизни!

— Лжешь! — в слезах закричал Хиромаса. — Сэймэй не может умереть! Тебе его не убить, он обязательно найдет способ вернуться!

— Глупый, наивный мальчишка. Ты ничего не понимаешь. Рана от этого Божественного меча забирает душу целиком, утягивая ее в клинок и запечатывая навеки. Вообще-то, я собиралась прикончить именно тебя. Окажись ты в ловушке меча, Сэймэй никогда не смог бы вернуть тебя к жизни, и мне бы удалось приручить его, сделать своей послушной игрушкой.

— Даже если бы ты меня убила, Сэймэй вытащил бы меня! — упрямо выкрикнул Хиромаса.

— До чего же ты туп! Разве ты еще не понял? Когда смертный умирает, его душа предстает перед владыкой подземного мира Тайдзан Фукуном. Абэ-но Сэймэй использовал тайный Ритуал Повелителя горы Тай, чтобы выторговать твою жизнь у смерти. Но душа, поглощенная этим клинком, никогда не достигнет чертогов Тайдзан Фукуна. Ни один бог, ни один онмёдзи не в силах вырвать ее отсюда!

— Тогда... раз ты не хотела убивать его, зачем нанесла удар?! — задыхаясь от ярости, спросил Хиромаса.

— О, я надеялась, что ты бросишься под лезвие, спасая своего ненаглядного друга. Тогда ты бы сгинул безвозвратно, а Сэймэй мучился бы до конца своих дней. Кто же знал, что в самый последний миг он найдет в себе силы разорвать печать и заслонить тебя? Какая нелепая, досадная глупость... Такой изысканный мужчина, а я так и не успела вкусить его плоти. Жаль, безумно жаль!

Анки разочарованно вздохнула и развернулась, собираясь уйти.

— Сэймэй... Нет! Ты не можешь умереть! Слышишь? — слезы Хиромасы падали на мертвенно-бледное лицо друга. — Мы ведь договорились... ты обещал... всегда пить со мной вино... Сэймэй!

Внезапно Хиромаса бережно опустил безжизненное тело онмёдзи на пол и, вскочив на ноги, преградил демонице путь. Его трясло от горя и лютой ненависти.

— Проклятая тварь! Ты отняла у меня Сэймэя! Так убей же и меня этим проклятым мечом! Убей, чтобы моя душа смогла отыскать его! Ну же, давай!

— Хе-хе, раскатал губу! — презрительно усмехнулась Анки. — С какой стати мне облегчать тебе жизнь и отправлять к Сэймэю? Я сделаю так, чтобы вы никогда, ни в одном из миров не встретились. Обычная смерть утянет тебя на суд к Тайдзан Фукуну, а Сэймэй навеки заперт в этой темнице. Ты никогда больше его не увидишь!

Одним небрежным взмахом руки она отшвырнула самурая прочь. Хиромаса больно ударился о плиты пола, но упрямо пополз обратно к телу друга, прижимая его к груди.

— Тварь... Бездушная тварь!..

— Не трать силы попусту, его душа уже заперта в клинке. Я не стану лишать тебя жизни этим мечом. Твое наказание — жить. Жить в вечном одиночестве и жгучей тоске. Наслаждайся! — Анки залилась торжествующим смехом.

— Сэймэй... Сэймэй... — Хиромаса уткнулся лицом в плечо друга, его плечи содрогались от беззвучных рыданий.

— Мерзкий червяк, из-за тебя сорвалась такая забава! — прошипела Анки, с сожалением оглядев безупречные черты лица мертвеца. — Я так мечтала завладеть этим телом... Ну да ладно.

Она гордо выпрямилась и вышла на самую середину Зала Прохлады.

— Хватит уныния! С этого мгновения я — единовластная императрица Хэйан-кё! Верные мои подданные, за мной! Мы отправляемся в Зал Пурпурных покоев для принесения присяги!

Она резко взмахнула рукавами. Все присутствующие во дворце вельможи и сам император Мураками разом открыли глаза.

Стеклянные, пустые взгляды уставились перед собой. Безвольной, безжизненной толпой придворные поплелись вслед за черной лисицей в сторону Зала Пурпурных покоев.

В опустевшем Зале Прохлады завыл холодный ветер. Он шевелил осколки разбитого нефрита, заставляя их со звоном перекатываться по плитам.

Всего за несколько мгновений дворец опустел. Лишь безутешный Хиромаса прижимал к себе остывающее тело друга, а рядом, содрогаясь от плача, сидела маленькая Мицумуси.

— Сэймэй... где ты? Вернись... Прошу тебя, вернись, я не смогу без тебя... Сэймэй, открой глаза, ну же... — беспрестанно шептал Хиромаса.

Но в безмолвном, холодном зале его тихие мольбы отзывались лишь глухим, тоскливым эхом.